

Е.Ф.Канкрин

Путешествие 1840 г.

Егор Канкрин
Путешествие 1840 г.

«Издательские решения»

Канкрин Е. Ф.

Путешествие 1840 г. / Е. Ф. Канкрин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852861-3

«Ты знаешь, что нас двое, которые не можем оставить своих постов пока живы. Ты и я». Эти слова, сказанные однажды императором Николаем I графу Канкрину, наиболее красноречиво характеризуют роль выдающегося немца в управлении огромной империей. Дневниковые записи во время поездки на воды «Путешествие 1840 г.» дают нам возможность понять принципы доктрины финансового управления Канкринна, долгое время оказывавшей влияние на судьбы народов всей Европы.

ISBN 978-5-44-852861-3

© Канкрин Е. Ф.
© Издательские решения

Содержание

Путешествие 1840 г.	6
1	6
28 мая/9 июня	6
27 мая/8 июня 1840 г. императорский теплоход Ижора	6
2	9
29 мая/10 июня	9
31 мая/12 июня	12
1/13 июня	13
3	14
4/16 июня. Вечер	14
8/20 июня	14
13/ 25 июня	14
14/26 июня	14
15/27 июня	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Путешествие 1840 г.

Егор Францевич Канкрин

Переводчик Борис Борисович Бицоти

© Егор Францевич Канкрин, 2019

© Борис Борисович Бицоти, перевод, 2019

ISBN 978-5-4485-2861-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Путешествие 1840 г.

1

28 мая/9 июня

Внезапная скоропостижная смерть одного из матросов от продолжавшейся несколько часов болезни заставила капитана причалить в Ревеле¹, чтобы придать тело земле. Мы плыли мимо различных маяков, знаков и островов, самым примечательным из которых является остров Врангельсгольм. Здесь запрещено рубить деревья, поскольку остров, покрытый густым лесом, является отличным ориентиром для моряков дальнего плавания, указывая поворот на Ревель. Контур далекого Ревеля с выстроенной уже при мне башне Олауса выглядит вполне себе романтично. Сам город, однако, находится, к сожалению, в плачевном состоянии. Попытки навести здесь порядок, увы, не увенчались успехом.

Отсутствие судоходной реки, главного преимущества Санкт-Петербурга и Риги, тормозит развитие местной торговли. Этот недостаток со временем все больше дает о себе знать. Вся экономика Ревеля, таким образом, ограничивается торговлей с пригородами и содержанием администрации и порта.

Сегодня мы плывем уже в открытом море. Вместе с пустотой моря приходит и душевная пустота, так что я попытаюсь заполнить пустоты своими воспоминаниями, пока спокойствие моря мне это еще позволяет.

Я вновь вспоминаю императора Павла. Я не буду сейчас ничего говорить о его нраве, образовании и на самом деле добром сердце, о его причудах и его опрометчивости. То, что я скажу, скорее всего, вызовет возражения, и, тем не менее, это правда. Правление императора Павла было не просто благом для России, а жизненной необходимостью – временем возрождения, созидания и исправления ошибок. Не буду здесь подробно разбирать приоритеты политики России времен бесспорно Великой, но успевшей состариться Екатерины. Скажу лишь, что их нужно было менять. И тот, кто начал это делать, в итоге сам же и пострадал. Так мне об этом отозвалась одна высокопоставленная особа. Случившееся не должно было случиться, так, как оно случилось. Но это был, пожалуй, самый короткий путь. Каким бы грубым это ни казалось – оправдывать нынче вчерашнее злодеяние, результат действительно не заставил себя долго ждать. Народы, как и природа, увы, порой не могут без волнений и катаклизмов.

27 мая/8 июня 1840 г. императорский теплоход Ижора

Вчера, 43 года тому назад, я приехал в Санкт-Петербург никому не известным студентом. Тревожное положение моих родителей – отец ранее переехал в Россию, но особо не преуспел в делах в этой стране – отсутствие перспективы, неустроенность, в чем не было моей вины, стали причиной одолевших меня неизлечимых недугов, и лишь случай, удача и небывалое везение совершили переворот в моей судьбе. Милостью Императора Павла I мне была дарована высокая должность.

Вчера 26 мая 1840 г., я покинул Санкт-Петербург в высоком чине, не будучи особо богатым, но достаточно состоятельным, накопив свое состояние достойным трудом, в сопровождении моей дорогой верной супруги и двух юных дочерей, имея также двух еще более юных

---

¹ – современный Таллин

сыновей – один из них у меня курсант и служит на Кавказе, другого я отдал в пажежский корпус. Зачем я уехал из Санкт-Петербурга? Чтобы после восьми месяцев тяжелой болезни, мешавшей мне исполнять обязанности по должности, по приказу моего государя и благодетеля, поправить здоровье на минеральных водах за границей. Сейчас мне 66 лет.

Зачем я это пишу? Кому это интересно? Никому или, пожалуй, лишь немногим, но я все же делаю эти записи. Я, как никто другой, знаю наше безразличное время.

Когда я из чертогов мраморного дворца спустился в карете к английской набережной, ступил на палубу парохода и далее в Кронштадте пересел на крейсер Ижора, мне вдруг вспомнились те прежние времена, мое тогдашнее возмущение против проводимых в Кронштадте таможенных процедур, неприглядность пестрых платьев снующих по городу матросских жен в день Петра и Павла. Наполовину отстроенный Кронштадт, неказистые корпуса Санкт-Петербургской таможни, сшитые по прусскому образцу мундиры военных и по кроенные по старинной моде платья гражданских – все производило на меня тогда неприятное впечатление. Я не просто попал в чужую страну с другой культурой и другими нарядами. Эта цивилизация, казалось, отставала лет на сорок в своем развитии. Я же прибыл из краев, существенно преобразованных войнами французской революции.

Особенно запомнился мне тогда один таможенник, черноволосый, с явными чертами азиатской расы, армянин, а, может, даже и цыган. Он был одет в униформу петербургского чиновника темно-зеленого цвета, соответствующего покрою – с простроченным воротником и лацканами, доходящими до локтей. Он производил удручающее впечатление.

Санкт-Петербург, нижняя по реке сторона которого и сейчас не в блестящем состоянии, тогда выглядел хуже, но многое в городе все же поражало красотой и величием. В самом центре красивые здания то высились целыми улицами, то одиноко стояли на пустырях. Таможня помещалась в выкупленных у частных лиц домах. Сейчас же таможня – это большой дворец с откупными палатами, который я распорядился построить.

В особенности не доставало тогда повсеместно чистоты и порядка. Никудышную по вполне естественным причинам мостовую не обрамляли тротуары, мосты были в большинстве своем деревянные, адмиралтейство было тогда еще окружено валом, фасады большинства зданий были запущены, и кое-где я даже видел на нижних этажах больших гостиниц оклеенные бумагой окна.

Как же все теперь изменилось! Император Александр не просто построил новые прекрасные здания, он добился безупречной чистоты и привил дух порядка и бережного отношения. Знал ли он, сколь много сделал он тем самым для Санкт-Петербурга! И эти начинания были продолжены с еще большим усердием.

Как же изменилась вся Россия! Это невероятно, сколь великое развитие получила здесь цивилизация, европеизация, материальная и духовная культура, наука и литература, воспитание и образ мышления, роскошь и сосредоточение капитала, прогрессивные государственные установления и усердие в управлении государственными делами. И развитие это становится с годами все стремительнее.

Мне вдруг вспомнилось, как в те дни запрет на фраки и цилиндры был однажды высмеян во множестве карикатур и как в последние годы правления Павла вдруг неожиданно появилась новая элегантная униформа и я впервые в жизни ее на себя примерил. Мелочь, конечно. Но и жизнь наша по сути своей тот же пустяк – не более.

Но был в те времена и другой – роскошный Петербург. Во время придворных увеселений высшие чиновники ездили в карете с шестью лошадьми, запряженными по-немецки, цугом, сверкающие ливреи, борзые и егеря при царском дворе... Сейчас они ездят в простых мундирах, в каретах с четырьмя или двумя лошадьми, запряженными по-русски.

Все высокопоставленные люди тогда узнавались по униформе или парадному мундиру, дома – по французскому платью, без шпаги, и по туфлям. Сегодня люди бегают в застиранных

сюртуках и не стесняются выйти в свет в матросских брюках. Кто знает, что лучше? И то, и другое – лишь незначительная деталь, играющая роль при определенных обстоятельствах.

О плавании нашем сообщить особо нечего. Погода отменная, мы плыли сегодня вдоль берега и мимо нескольких небольших островов с маяками. Я понаслышке знаю, что до самого Кронштадта с моря открывается чудесный вид на левый берег – царская резиденция, деревенские дома... Но мы плывем, увы, слишком далеко от берега. Отсюда земля кажется плоской и далекой. Материк и скалистые острова, поросшие березой и сосной, своими очертаниями радуют глаз, но угрюмая растительность навевает печаль. Думается, где-то там, дальше, на крайнем севере, где исчезает даже редкая трава и растет лишь олений мох, на вечномерзлой земле природа полностью вымирает...

2

29 мая/10 июня

Вчера начал дуть сырой северо-западный, точнее сказать, дующий с севера на запад ветер, сделав пребывание на палубе невыносимым. Мы начали коротать время за игрой в карты. Сегодня ближе к обеду мы увидели маяк Готланда. Когда мы покинули финский залив, пустота стала еще более зияющей. Даже чтение здесь как будто не доставляет прежнего удовольствия. Человек в пути ко многому привыкает. Мало кому в нашем государстве доводилось решать столь же сложные задачи, какие решал я. Каждый день по шестнадцать часов на работе, включая чтение различных ежедневных сводок и книг. Всякий раз, когда градус ответственности снижался, я ловил себя на мысли, что мне нечем себя занять. Сейчас же я пребываю не то, чтобы в неге, но все же в праздности, и целиком обязан этим моему морскому путешествию.

Были бы у нас газеты, они бы нас оживили, не то, что эти мертвые книги. Они таки наводят меня на мысли.

Старое и новое время, сервиллизм и радикализм, аристократизм и либерализм, мечты о неповторении, надежды на неосуществление, грезы юности, скептицизм возраста, как же все это смешалось в мире в наши дни! Впрочем, так всегда и было. Инстинкт повинования и стремление возвыситься, тяга к власти и ожесточенное сопротивление, вера в идеалы и сомнение в лучшем будущем – вот элементы, заставляющие человеческое общество стремиться то к порядку, то к хаосу. Из эпохи в эпоху это движение отличается лишь формой, цветом и предметом противоречий. И в любую из этих эпох человечество словно заковано в оковы своего времени, неважно прошлого или настоящего. Лишь немногим, очень немногим удается заглянуть поверх непроницаемой завесы современности, как это удалось, к примеру, Эразму Роттердамскому в эпоху реформации.

Это нормально. Спокойствие и постоянство, столь желанные для многих, являясь по сути одной из основных потребностей человека, не являются смыслом существования общества. Вот внезапно набирает силу волнение, наступает революция, избавляющая общество от его пороков, хорошее устройство сменяется плохим, как и прежде, но уже в новом облики. Другими словами – это вечная борьба и стремление, успех и поражение. Мы выдаем большое за малое, принимаем за заблуждение то, в чем были правы, видим в счастье несчастье – такова судьба человечества. Печально? Пожалуй. Но стоит ли жаловаться на судьбу? Разве было бы лучше, если бы о безутешности, тщете и бессмысленности бытия узнали все люди? Если все вдруг увидят и поймут ошибки прошлого, неверность выводов настоящего, тщетность всех идеалистических порывов не только к выдающимся к переменам, но и к минимальным улучшениям? Нет, все эти конфликты и разочарования консолидируют общество, и оно, часто немалой кровью, войной и разорением, как, например, это случилось в наши дни, излечивается от безумия.

Суверенитет народа, его свобода подобны гигантским древним идолам, конституция как система противоречий – и правда, и неправда одновременно, Эльдorado и мыльный пузырь нашего времени. Как нелепо все это будет звучать уже через каких-нибудь пятьдесят лет, так же как сегодня веселят наш слух споры древних богословов или мода времен Людовика XIV.

Мы зачастую неправильно интерпретируем все эти излияния бушующего моря людей. всю свою жизнь, где бы я ни вращался, в больших ли, в малых ли кругах, моей единственной целью было сделать для людей что-то хорошее, способствовать улучшению их положения, быть открытым всему полезному и новому, нести людям знание и претворять в жизнь достижения цивилизации. Те, кто меня знает, могут судить, насколько хорошо или плохо мне это удалось.

И именно поэтому неприятен мне так называемый дух времени, ведь это он закрывает дверь всему новому, тормозит любое улучшение. Расскажу об этом подробнее.

Суверенитет народа? На редкость наивная идея! Сам предводитель либералов (заметим, он сейчас как раз у власти²) не может представить себе ее в цифрах. Что же это тогда такое?

Не свободная дискуссия и не спонтанный выбор движут обществом, а сила естественной необходимости. Отсюда происходят власть и правительство, плохое ли хорошее, со всеми вытекающими последствиями, неравенство достатка, помыслов и культурного развития, неравенство рода деятельности и наконец, главное зло, оно же неотъемлемое условие существования общества – частная собственность с правом наследования. Все к чему привело развитие общества, все предпосылки и обстоятельства. Отсюда вечная незрелость масс. Ведь в основе всего – не заключенное соглашение, желание или добрая воля, а строгая необходимость. Деспотичные, патриотичные, конституциональные правительства, монархии, аристократии, демократии – все эти длинные, многозначительные названия возникают не по воле народа. Их творит история и время!

Но одно надо запомнить. Незрелые массы всегда будут незрелыми, и поэтому им надо назначить опекуна, чтобы не пострадало все общество. В мире уже достаточно горя, так давайте не будем его преумножать, ибо теперь нам ясно, что именно незрелость толпы несет большие угрозы, как уже доказали нам все наши революции. Так это было в греческих республиках, Риме, новейших монархиях, аристократиях и демократиях, которые могли бы просуществовать и дольше, усвой они этот урок.

Каковыми должны быть правила? Только те, что практикуют северные народы! Забросать его камнями – кричит толпа. Но ведь ему на смену придет тирания – говорит мудрец. Над суетой должны стоять высшие принципы – правда, мораль, долг, благожелательность. Воплощать эти принципы должен практичный ум, умудренный опытом, одолеваемый жаждой слушать и править. Не от правильности теорем политической науки, и не от выгоды политических комбинаций зависит счастье и благосостояние народов, а от воплощения этих высших принципов, в какой бы форме они ни претворялись в жизнь. Форма здесь отнюдь не главное – должно быть благородное начало. И тогда массы, назовем их, как прежде, незрелыми, в справедливости, заботе, осмысленности и при наименьшем ограничении личной свободы каждого отдельного человека – начнут взрослеть, как взрослеют дети у хороших родителей. Куда лучше, чем метания разъяренной толпы, раздираемой нуждой и истребляющей, расходующей почем зря источники своего же благосостояния.

Картина удручающая? Да. Стоит ли опускать руки? Нет! Правители должны править, их подчиненные – на своих уровнях заниматься общественными делами и тоже править. Незрелые и зреющие должны работать и учиться подчиняться, пока лучшим из них не удастся путем усердия и старания перейти на более высокие уровни. И нет никакого выхода из этого круговорота, поскольку это законы природы. Несчастье нашего времени состоит как раз таки в том, что многие хотят пробраться на верхние уровни не естественным путем, в соответствии с заведенным порядком, а силой и коварством. Отсюда драка за министерский пост во Франции, разрушительные волнения малоимущих классов в Англии. С последними, к слову сказать, разбираются отнюдь не в духе опекунства, а скорее, что называется, по всей строгости закона.

Коль скоро современные тенденции склонны поощрять упомянутые естественные устремления, их следует продолжать. Но, увы, еще во многих странах царят совсем иные порядки. Когда наши либералы льстиво машут перед народом призраком суверенитета, они тем самым вредят и себе, и всему обществу, подавляя эти устремления. Завышенная самооценка – вот главная болезнь людей нашего столетия!

---

² Имеется в виду Тьер

Конституции! Они возникают постепенно или внезапно из сложившихся с течением времени предпосылок. Самые первые, по сути, отражают нрав того или иного народа в его постоянстве. Но проходит много времени, прежде чем они становятся действенным набором правил. Английская конституция довольно долго была только теорией, а потом лишь листом бумаги, прежде чем начала работать. Это произошло только при ганноверской династии, до этого монархи постоянно враждовали с парламентом. Если мы имеем дело с конституцией, возникшей в результате роста цивилизации и наблюдаем ее вопиющее нарушение, дающее повод для революции, нам стоит ожидать серьезных перемен, как это было, к примеру, во Франции. Если же конституция – это следствие примера других стран или результат политического соглашения, как, например, в Германии, ей суждено остаться мертвым текстом, чуждым самому духу новизны. Все, что способно поменять уклад жизни народа, должно подняться из народа (всего народа, а не только плебса).

В этом есть некая ограниченность или некий фатальный каприз недавнего прошлого или так называемого духа времени – непременно желать традиционную или конституционную монархию или другую определенную форму конституционного правления. Во всем этом большую роль играют как возраст нации, так и конкретные обстоятельства. Ведь то, что принято называть азиатским деспотизмом (что не всегда так плохо, как люди думают), при иных обстоятельствах может быть абсолютной необходимостью. Конечно же, не все необходимое или неизбежное является благом.

И традиционной, и конституционной монархии, к коим, разумеется, уже не относятся большие республики, такие, как южноамериканская и мексиканская, а также на Севере Соединенные Штаты Америки, имеют каждая свои недостатки. В первом случае слишком многое зависит от одного человека, во втором – почти ничего. В первом случае нет обсуждений, но есть конкретные дела, во втором много говорится, но мало делается, в первом случае наблюдается избыток управления, во втором – полного управления зачастую добиться вообще невозможно. И даже Англия здесь не является исключением, так как все ее достижения вовсе не заслуга конституционного строя или правильного управления, а особого характера англичан как отдельной расы. В традиционных монархиях время от времени встречается расточительство, в конституционных – стабильно высокая стоимость управления. Ответственный самодержавный монарх естественным образом с неохотой увеличивает бремя, так как ропот народа обычно направлен именно в его адрес, в то время как бесправный конституционный монарх может и вовсе не оглядываться на народ, а соответствующее министерство защищено от нападков ввиду сложного политического устройства. В Англии история Карла I и своего рода республики Кромвеля, и во Франции французская революция – хорошо это показали. Небезупречными в части стоимости управления оказались и Североамериканские штаты, где благодаря росту долгов отдельных штатов и возникшей ввиду недостатка компетентности банковской лихорадки страна наполовину разорена. При традиционной монархии люди либо выжидают, либо слишком торопятся, при конституционной – они то стремительно вершат судьбы, то впадают в апатию и эгоизм. В первом случае всему виной страсть или нерасторопность одного человека, во втором – страсти и эгоизм многих. Там интриги в окружении монарха, тут коварство и заговоры лидеров различных партий. Казалось бы, достаточно, но вот еще что: многие верят в конституционную монархию, поскольку, как бы делаясь с ними полномочиями, она делится с ними и оптимизмом, которого у них не было при традиционном монархе, т.е. правом самого себя обманывать. Иные тут же, забываясь в тщеславии, сломя голову кидаются оставлять свой след в истории. Но одно лишь время способно рассудить, кто и в чем был прав.

Все эти дилеммы не дают прийти к общему мнению по поводу нового устройства общества и разделения сословий. В то время, как подобного рода конституционное деление иной раз при определенных условиях становится неизбежной необходимостью, поскольку иногда вернуть назад, под покровительство заботливого монарха, народ, во всеулышание заявивший

о своих правах и интересах на участие в государственной жизни, порой уже не представляется возможным. Демократия и подчинение не всегда хорошо ладят друг с другом, как это следует из многочисленных примеров истории многих стран, пока дух времени не заставит их это делать. Отсюда я делаю вывод, что укрепление позиций монархической формы правления в Европе со временем не только возможно, но и весьма вероятно.

Оппозиция! Постоянная оппозиция! Виги и Тори, доктринеры, консерваторы, либералы, радикалы, пропагандисты. Сколько тратится сил! Какой абсурд: конституцией предусматривается наличие постоянной, систематической оппозиции. Хорошее следует перенять, от плохого отказаться, неправильное исправить, бесполезное сделать полезным. Но с подобными полными оптимизма планами выходить на большое собрание... Глупо делать вывод о том, что наличие оппозиции как части системы является если не движущим механизмом, то, по крайней мере, полезным дополнением к конституции. Увы, это скорее лишь неизбежное зло, чем большое подспорье.

Все эти мои философские вздыхания, призваны показать мое отношение к предмету разговора. Но спросите меня прямо, и я отвечу, что предпочел бы жить в традиционной монархии, поскольку эта форма правления уменьшает риск вырождения и лишь изредка дает слабину ввиду особого настроения той или иной эпохи.

31 мая/12 июня

Вчера ближе к вечеру ветер стал дуть сильнее, а волны стали выше. Поэтому, чтобы на ночь глядя не плыть до Звинемюнде – наши северные светлые ночи уже проходят, – мы решили пристать в Кристиансоре, где можно было переночевать и осмотреться. Кристиансор – это крепость, находящаяся примерно в трех немецких милях от Борнхольма. Она стоит на трех маленьких островах: Кристинасхольм, с круглым донжоном, оснащенным батареями наверху, маяком и реющим флагом, резиденцией коменданта, так радушно принявшего нас, с церковью, ветряной мельницей и другими постройками, остров Фридрихсхольм, тоже с круглой, но мене оборудованной башней и другими постройками. Фортификации возведены из камня и известняка и прекрасно сохранились, как и немногочисленные здания. Значительный гарнизон крепости занимается также судостроением и рыболовецким промыслом. Между двумя островами среди утесов лежит совсем маленький третий остров. Гавань, образованная двумя островами, очень тихая, и хотя она и мала, но в шторм, случалось, могла укрыть до шестидесяти судов. Кристиансор – это одновременно и тюрьма для государственных преступников. Дикие гуси нагло плавают вдоль и поперек, поскольку их запрещено стрелять. Они гнездятся на островах, оставляя здесь в обилии так необходимые коменданту пух и перья.

Острова состоят из гранита, по обыкновению расколотого, закругленного сверху и как это видно во многих местах, заваленного набок на 37 градусов с юга на север. Некоторые экземпляры наводят на мысль о его родстве с тем гранитом, из которого сделаны сфинксы, что выставлены на набережной Невы перед академией искусств. В некоторых укромных местах среди скал жители разбили сады с цветами и рядами деревьев. Этот спор растительности с географической широтой особенно заметен на примере редкой листвы молодых вязов средней величины. Молодые деревья в одном из этих высоких садов так и остались, по сути, кустарником с колючими короткими сучьями вместо ветвей. В укромном, защищенном месте мы также обнаружили яблоню, грушу и абрикос, растущий на одной из скал. Все деревья побелены известью и выглядят очень плохо, словно больны каким-то странным недугом. Впрочем, даже цветы здесь являют лишь скудные признаки жизни.

Гарнизон состоит из датчан. Узнаю эту породу – тяжелые светловолосые северные немцы.

1/13 июня

Море стало спокойнее. Мы покинули Кристиансор в 10 часов вечера и в 10 часов следующего утра уже подплывали к Свинемюнде. Когда мы достигли залива, ветер усилился, на небе появились тучи. В открытом море, вероятно, довольно сильно штормило.

Лоцман принес мне письмо, в котором российский консул сообщал мне о кончине прусского короля, случившейся 26 мая (8 июня). Это был последний из трех выдающихся монархов, которые определяли судьбу Европы в нашу великую эпоху. Мне довелось видеть их и в тяжелые, порою даже отчаянные времена, равно, как и в дни триумфов и славы. Мало кого из них судьба била так, как Фридриха Вильгельма III. Природа одарила его особой стойкостью к подобным ударам. Удача, слава, уважение и любовь, которые он снискал в последние двадцать пять лет своего правления пришли на смену его прежним лишениям. Он не был великим, а в последнее время не был даже и особо деятельным, но понимающим и добрым монархом. Ведь всем известно, что наибольшую заботу о народе проявляют обычно монархи уже в почтенном возрасте. Отдают ли они сами себе в этом отчет – это другой вопрос. Ясно лишь, что здесь мы имеем дело с классическим случаем. Новому правителю откроются новые горизонты.

Умирают и тысячи простых людей, которым однажды довелось пережить три удивительных года после 1812-го. Уже мало кто из нынешних российских офицеров отмечает отступление французов за Неман, и вряд ли вообще на службе в русской армии еще остались офицеры и солдаты, сражавшиеся в те годы.

Какими сдержанными стали люди, вспоминая то славное время! Тогда важнее всего была свобода нации, народность, избавление от иноземного ярма. Ныне же люди прославляют вчерашних порабощителей, изводят друг друга мелочной полемикой о формальностях гражданского права, в то время как суть его несовершенства кроется в повальной невоспитанности людей и той лжи, которую печатают газеты.

С другой стороны, это естественно. Все старое должно исчезнуть в тумане. В свое время штурм Трокадеро наделал столько же шума, сколько наш Аустерлиц, а какая-нибудь битва при Вероне была, вероятно, не менее значима, чем наш Лейпциг. Окружающий мир прочнее мира грез, не будь это так, мы бы все давно утонули в воспоминаниях. Но нам, всем тем, кто все это прожил и пережил, в каком бы звании мы тогда ни состояли, выпал случай вместе взвесить произошедшее и происходящее. Взять и положить их на разные чаши весов. Но, чтобы сделать это правильно, надо не бояться встретиться с призраком самого себя.

3

4/16 июня. Вечер

Я в Берлине. После ужина, в 7 часов, пошел прогуляться по Унтер-ден-Линден. Затем проехался на городском извозчике, будучи одетым в штатское. Хотел просто осмотреться. Я был в Берлине тогда, в 1815, но я был, конечно же, другим человеком. Королевский замок – очень большое здание, возведенное в прежнюю эпоху – являет собой начало стиля рококо и, безусловно, заслуживает всяческих похвал. Старый замок курфюрста с башнями по углам, сохраненный в виде пристройки к одной из стен, остался почти нетронутым. Вот она цельная картина того, как настоящее расправляется с прошлым. Между тем, этот курфюрстов замок был в свое время главным зданием столицы. Нынче, стоит какой-либо важной особе вдруг поселиться в старом замке – сейчас это не более чем резиденция для частных лиц, – ее тут же запишут в частные лица. Причина, увы, весьма банальна. Власть порождается мнением людей, которое увенчивает властителей специальным нимбом, весьма, кстати, очевидным, наделяя их тем самым особым магнетизмом. Но вот нимб исчез – и от прежней славы не остается и следа.

В Тиргартене мне приглянулись некоторые весьма приличные домишки, в особенности небольшие. Здесь разрешено строиться каждому, и поэтому в архитектуре можно наблюдать много фантазии, несмотря на то, что стиль такого дома сам по себе накладывает определенные ограничения.

8/20 июня

В эти дни я вновь проехал мимо некоторых примечательных сооружений, но был слишком занят поручениями моего монарха и представлением ко двору нового короля, чтобы писать.

13/ 25 июня

В Лейпциге мы случайно оказались в нужном месте в нужное время, успев к праздничному шествию по случаю годовщины начала книгопечатанья, и могли все увидеть воочию. Подобные шествия обычно хорошо укладываются в программу и красиво описываются в газетах, в действительности в них есть что-то от фарса – им недостает достоинства.

14/26 июня

Сегодня с чрезвычайным промедлением добрались до Нюрнберга. Не дай бог кому-либо ехать через Хоф и окружающее его нагорье мало-мальски значительным экипажем. Дороги сами по себе неплохие, хотя и узковатые, но постоянно взбираться в гору, а затем спускаться вниз, и все это в час по чайной ложке... Даже у самого терпеливого лопнет терпение! Мы пробирались старыми путями и среди тесно прилегающих друг к другу городков то и дело попадались довольно крутые участки, но и долгих открытых отрезков было достаточно много, так что удавалось иной раз уменьшить затраты, узнавая как срезать часть пути.

Повсюду в округе бывшей верхней Саксонии, как и в Пруссии, во многих вещах был порядок, здесь стоит упомянуть и внимательное отношение к лесным угольям, в первую очередь, к частным, в которых хозяин бережно следит за своим лесным капиталом.

В Баварии стали бросаться в глаза небольшие, совсем незначительные отличия, в том числе в лесном хозяйстве и на заставах. Что ни говори, характер у старых франконцев все тот же. Старикам положено хуже разбираться в настоящем, чем в прошлом, и я, вероятно, ошибаюсь, когда вижу, что нынешние люди менее красивы, чем были люди тогда, пятьдесят лет назад. А женщины, так уж тем более. Маленькие городки и деревни по дороге тоже, кажется, подурнели. Даже весьма определенно. Растущее фабричное производство вытесняет с рынка ремесленников, средний слой горожан стал беднее, и большие фабриканты нанимают пролетариат, а это уже совсем другие отношения, чем те, что складываются у мастера с подмастерьем. Изменить это вряд ли возможно, но задуматься об этом стоит. Крестьянина облагают все большими налогами, в то время, как ему лишь частично удастся применять новые методы возделывания мелких культур. К этому надо еще добавить изменение уклада жизни крестьян. По дороге сюда я видел, как некоторые использовали коров в качестве ездового транспорта.

Также приходится видеть, как большие наделы дробятся и продаются по частям. Не самое желательное явление с точки зрения развития земледелия и выведения новых культур, но платят хорошо, поэтому ничего не изменишь.

15/27 июня

Мне говорят, что в Нюрнберге неплохо поставлено дело с продовольствием, в особенности этому способствует таможенный союз. Другие жалуются, что железные дороги и в особенности строительство канала стоили городу много денег. Соединение Дуная с Рейном всегда казалось мне пустой затеей – нигде в округе нет таких тяжелых грузов, которые надо было бы непременно сплачивать. Железные же дороги могут обернуться несчастьем для народов, так как сделают и без того не вполне оседлое население городов еще менее оседлым. Их исключительное качество – способность перемещать людей на большие расстояния – не что иное, как роскошь, и представляет собой скорее опасность, нежели сулит какие-то выгоды. Но разве можно воспротивиться веянию нового времени? Впрочем, именно это я и сделал в свою поездку. Надо понимать меня правильно. Я не отрицаю полезность железных дорог в некоторых особых специфических случаях. Но в таких странах как Франция и Германия предпосылки, о которых я говорю, вряд ли появятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.